

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

<i>И.Ф. Попова.</i> И.А. Орбели в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР	5
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> И.А. Орбели и курдская филология	15

ПУБЛИКАЦИИ

Танский политический трактат из Дуньхуана. Предисловие и перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>	22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие и перевод с тангутского языка <i>Е.И. Кычанова</i>	38
<i>Аракава Синтаро.</i> О рисунке тангутского «камнемета», хранящемся в ИВР РАН	44
<i>Самань куварань-и битхэ</i> («Шаманский двор»). Перевод с маньчжурского языка и предисловие <i>Т.А. Пан</i>	52

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О.М. Чунакова.</i> Парфянские личные имена: семантика и структура	65
<i>А.Л. Хосроев.</i> К толкованию некоторых понятий в так называемом «Трехчастном трактате» (<i>Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22</i>)	75
<i>З.А. Юсупова.</i> Письменные памятники как источник изучения курдского языка: «Диван» Ранджури (на диалекте горани)	96
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> Курдская рукопись середины XIX в. из Архива Востоковедов ИВР РАН	115
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Божественное созидательное начало в авраамических религиях	133
<i>В.Ю. Шелестин.</i> Паритетные договоры царей Кишцувадны	156
<i>Вэй Ин-чунь.</i> О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской коллекции (перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>)	183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.** Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь) *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

РЕЦЕНЗИИ

- Над номером работали:
- Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждидова
О.В. Волкова
В.И. Мартынюк
Е.И. Крошкина
Е.А. Пронина
- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- © Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН, 2012
- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

ная» индийская философия — это философские умозрения древности, более же поздние тексты ценности в этом отношении не представляют. Дасгупта развенчал этот миф (с. 324). Кроме того, исследовав такие на первый взгляд очень далекие от философии тексты, как «Аюрведа» и «Чарака-самхита», он выявил их философское содержание, изложению и анализу которого во втором томе его фундаментального труда посвящена целая большая глава (более полутора сотен страниц).

Не менее примечательна и следующая за ней статья о Дая Кришне — одном из крупнейших индийских мыслителей второй половины XX в.: позиция его состоит в том, что представление об индийской философии глубоко мифологизировано как европейскими авторами, которые то судят о ней пренебрежительно, то, наоборот, превозносят ее как сокровищницу мудрости, недоступной Западу, так и индийцами, которые воспринимают философскую мысль Индии как нечто более глубокое и масштабное, чем философия в том ее понимании, которое свойственно западной культуре (с. 326). Индийскую философию порой считают «спиритуалистичной» в противоположность философии Запада, которая будто бы всегда в той или иной степени материалистична. Если внимательно и непредвзято вчитаться в индийские философские тексты, то окажется, что истинный спиритуализм (который Дая Кришна понимает как признание духа не только реальным и не зависящим от материи, но *единственной* реальностью) представлен в Индии только буддийской школой *йогачара*, в других же школах материя никогда не воспринимается как нечто *абсолютно* нереальное (с. 325). Другой миф гласит, что Веды будто бы являются основой философского дискурса в Индии; в действительности же гораздо более авторитетными были для индийских философских школ *сутры*, излагающие суть этих систем (там же). Все эти мифы, естественно, искажают реальную картину индийской философии, и развенчанию их посвящена работа не только Дая Кришны, но и других современных индийских философов.

Об этой книге можно, конечно, написать гораздо больше. В ней поднимаются самые различные темы, излагаются взгляды самых разных мыслителей — и прославленных, и малоизвестных, анализируются и разъясняются сложные понятия, важные для индий-

ской культуры. Из сказанного ясно, насколько серьезным подспорьем в деле изучения индийской философии может послужить эта книга.

С.Л. Бурмистров

Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Восточная литература, 2011. — 1045 с.

2011 год увенчался знаменательным научно-издательским событием — фирма «Восточная литература» выпустила в свет энциклопедию «Философия буддизма». Появление этой подготовленной на базе Института философии РАН отраслевой энциклопедии свидетельствует о значительном прогрессе в деле продвижения буддологических знаний в отечественную историко-философскую науку, никогда прежде не располагавшую подобным изданием.

Необходимо подчеркнуть, что достигнутый успех во многом обусловлен научными инициативами М.Т. Степанянц, ответственного редактора издания. Именно М.Т. Степанянц в течение долгих лет неустанно способствовала внедрению востоковедной тематики в область философских наук, и эта целенаправленная деятельность в очередной раз привела к крупному научному свершению.

Отрадно и то обстоятельство, что инициатива создания энциклопедии «Философия буддизма» получила, как указано в издании, разностороннюю финансовую поддержку — грант Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации и грант Российского гуманитарного научного фонда. Финансовую помощь оказывал и японский Институт восточной философии (Токио), учреждение, состоящее в структуре международной буддийской организации «Сока гаккай интернэшнл». Ученые Института восточной философии вошли и в состав авторского коллектива энциклопедии «Философия буддизма», включающего востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга и Улан-Удэ. Аккумулированные силы и средства позволили выпустить в свет превосходно изданный, внушительный по объему однотомник, содержание которого охватывает историю буддийской мыслительной традиции от ее древнеиндийских истоков до настоящего времени.

Приоритетный характер этого издания отмечен в предисловии ответственного редак-

тора. «Настоящий труд, — пишет М.Т. Степанянц, — первая российская энциклопедия, посвященная философии буддизма. Уже в одном этом состоит его уникальность как для отечественной, так и для мировой научной литературы. Но особенность издания этим не исчерпывается. Есть по крайней мере еще две причины считать его новаторским: 1) в то время как во всех ранее выходивших за рубежом энциклопедиях речь шла о буддизме в целом, наше издание посвящено философскому кредо буддизма, представленному через категории, понятия, концепции, персоналии, тексты; 2) труд не случайно назван энциклопедией, а не словарем. Дело не только в том, что его статьи носят довольно обстоятельный, развернутый характер по сравнению с обычным объемом словарных статей. Причина тому более существенна: предпринята попытка представить буддийскую философию в многообразии ее культурного бытования, позволяющего говорить о существовании буддийской цивилизации» (с. 14).

Чтобы по достоинству оценить результаты осуществления такого фундаментального замысла, важно учитывать то обстоятельство, что национальные линии развития буддийской философской мысли исторически формировались за пределами Южноазиатского субконтинента путем перевода индийских произведений на местные языки, составления комментариев к ним и последующего создания оригинальных сочинений. Определенное отличие в этом процессе было свойственно лишь буддийской культурной традиции ряда стран Юго-Восточной Азии, где получили преимущественное распространение индийские канонические произведения на языке пали. В ходе укоренения буддизма в этих странах данный язык приобрел статус лингвистического инструмента буддийской учености, и философия как форма духовной деятельности общества первоначально развивалась там именно на языке пали. Задача полномасштабного изучения философского пласта в национальном письменном наследии буддийских народов Азиатско-Тихоокеанского региона еще далеко не решена в современной науке, причем не только в отечественной, но и в мировой. И именно в силу этого до сих пор не предпринимались попытки создания специализированных энциклопедий, посвященных философии буддизма.

Другое не менее серьезное затруднение состоит в вопросе о понятийно-терминологиче-

ском аппарате буддийской философии. Ее смыслообразующие категории не являются специфически философскими, о чем свидетельствует их функционирование не только в теоретическом, но и в религиозном дискурсе. Собственно философское содержание буддийского понятийно-терминологического аппарата, связанное с логико-дискурсивным, т.е. строгим, определением предметной области значения каждого термина, раскрывается лишь по мере выявления и анализа тех теоретических концепций, которыми оперировали школьные традиции. В данном аспекте даже составление словаря собственно философской буддийской терминологии является в высшей степени сложной методологической проблемой.

В составе буддизма как традиционной идеологии, исторически институционализированной в целом ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, вполне возможно аналитически отделить так называемую «народную религию» (популярный буддизм) от религиозно-философской традиции, как это было впервые сделано в монографии одного из классиков отечественной буддологии О.О. Розенберга «Проблемы буддийской философии» (1918). Но очертить философское кредо буддизма, абстрагируясь от религиозной аксиоматики, едва ли удастся. А поэтому тот факт, что издание «Философия буддизма» является во многом и справочником по буддизму, кажется нам вполне закономерным.

Хочется в первую очередь отметить продуманную архитектуру рецензируемого издания. Массиву словарных статей, упорядоченных в соответствии с русским алфавитом, предпосланы два введения — «Буддизм и философия» (автор — В.Г. Лысенко) и «Буддизм в глобальную эпоху» (автор — А.С. Агаджанян). А за словарными статьями следует значительный по объему раздел, посвященный описанию национальных социокультурных форм буддизма, сложившихся за пределами Южноазиатского субконтинента.

Имеются в энциклопедии и превосходно подготовленные редакторами издательской фирмы «Восточная литература» — С.М. Аникеевой, Р.И. Котовой, О.В. Мажидовой, М.А. Унке, а также Л.Б. Кареловой (Институт философии РАН) указатели имен, произведений и терминов. В связи с этим необходимо сказать, что в современных зарубежных научно-спра-

вочных изданиях по буддизму уделяется значительное внимание теоретически обоснованной подготовке указателей, учитывающей лингвистический аспект истории распространения буддизма. Примером тому служит, в частности, “Dictionnaire Encyclopédique du Bouddhisme”, составленный современным представителем франко-бельгийской буддологической школы Ф. Корню (Philippe Cornu). Указатели, в которых содержатся мультилингвистические терминологические соответствия, выступают важнейшим подспорьем как в работе с научно-справочным изданием, так и в изучении буддийского письменного наследия. В этом отношении труд, выполненный составителями указателей, имеет самостоятельную научную ценность для дальнейшего развития российской буддологии.

Об уровне репрезентативности историко-философского материала и подходах к его освещению в рецензируемом издании необходимо судить с учетом позиции его редакционной коллегии во главе с М.Т. Степанянц. «В этом труде, — указано в предисловии ответственного редактора, — отражено реальное состояние отечественного изучения буддизма: отсюда отсутствие статей, посвященных некоторым важным сутрам, понятиям, персоналиям и т.д. <...> В данной энциклопедии мы намеренно не унифицировали переводы терминов и названий произведений и сохранили различия, нередко принципиальные, в оценках и методологических подходах исследователей. Это не умаляет достижений российской буддологии, а скорее говорит о свободном духе ее современного развития» (с. 17–18).

На наш взгляд, преднамеренный отказ от унификации переводов терминов — отдельная заслуга редакционной коллегии энциклопедии. Для подобного рода унификации в современной отечественной буддологии еще не сложились сколько-нибудь серьезные предпосылки. А кроме того, выполнение комментированных переводов не изучавшихся прежде философских произведений способствует появлению новых, более адекватных русских эквивалентов оригинальной буддийской терминологии.

Другое дело — названия произведений. Думается, в данной энциклопедии было бы лучше вообще оставить их без перевода, и на это имеются научные основания. Источниковедам-буддологам хорошо известно, что в состав названий индийских произведений не-

редко бывают включены наименования жанров — *сутра*, *шаstra*, *бхашья*, *коша*, *аламкара*, *дипа*, *хридая*, *панджика* и т.д. Далеко не каждый жанр индийской и в том числе буддийской теоретической литературы имеет типологический аналог в европейской жанровой номенклатуре. В том случае, когда такое соответствие выявляется, перевод наименования индийского жанра желателен. Так, *коша* — это «энциклопедия» или «толковый словарь», *шаstra* — «трактат». Но такой, к примеру, жанр индийской комментаторской литературы, как *аламкара*, представляющий собой тонкую («ювелирную») аналитическую детализацию предмета комментирования, не имеет аналога в европейской литературе. А поэтому и не следует пытаться передавать его средствами русского языка. Особенно неудачно это получается, если переводчик руководствуется первым словарным значением. В результате рождается нечто абсурдное, подобно «Украшению из постижений», прилепленному в энциклопедии «Философия буддизма» к «Абхисама-аланкаре» (с. 76). Подобное «украшательство» акад. В.М. Алексеев (1881–1951) саркастически называл «нудным лиризмом».

Не менее «лирично» выглядит в «Философии буддизма» и трактат «Абхидхармакоша», фигурирующий в одноименной словарной статье под названием «Сокровищница Абхидхармы» (с. 66). Не спорим, по богатству историко-философского материала это обширнейшее произведение Васубандху — подлинная сокровищница. Но по жанровой принадлежности, обозначенной его автором, «Абхидхармакоша» является энциклопедией, а не неким депозитарием. Какой смысл воспроизводить устаревший в научном отношении перевод названия?

Во избежание подобных огрехов, возвращающих отечественную буддологию в позапрошлый век, более оправданным было бы воздержаться от перевода, а не мультиплицировать безнадежно антиквированную этимологизацию оригинальных технических терминов. И позитивный опыт в этом направлении уже накоплен — ведь никому из отечественных ученых-буддологов не приходит в голову этимологически интерпретировать термин «сутра» и переводить его словами «нить» или «волокно».

Что же касается отражения в рецензируемом издании реального состояния отечественного изучения буддизма, то правомерно

было бы говорить не обо всей российской буддологии, а только об авторском коллективе энциклопедии «Философия буддизма». Абсолютное большинство словарных статей написаны на высоком теоретическом уровне. С замечательной полнотой представлена в энциклопедии японская социокультурная форма буддизма. Очень хороши словарные статьи, написанные московской индианисткой Н.А. Канаевой. Буквально в каждой из них присутствует глубокое знание буддийских письменных памятников, органично соединенное с продуманной отточенностью и строгостью философских формулировок. Не желая быть голословными, укажем хотя бы на такую блистательную статью Н.А. Канаевой, как «Дигнага» (с. 287–293), в которой очень непростые концепции буддийской науки логики изложены с учетом историко-культурного контекста раннесредневековой Индии и точек зрения современных зарубежных ученых.

Порадовала и словарная статья «Гухьясамаджа-тантра» (с. 248–250), написанная В.П. Ивановым, единственным из сотрудников ИВР РАН, включенным в состав авторского коллектива рецензируемого издания. В ней емко и с должной степенью анализа охарактеризовано содержание одного из сложнейших буддийских произведений. Свойственная В.П. Иванову, сравнительно молодому индианисту-санскритологу, высокая научная культура проявилась, в частности, и в том, что его статья снабжена рядом со списком литературы указанием научного издания памятника. Подобные значимые сведения, к сожалению, нечасто приводятся на страницах энциклопедии «Философия буддизма».

Отсутствие словарных статей о ряде важных в историко-философском отношении произведений, например о комментаторском трактате Яшомитры (IX в.) «Спхутартха-абхидхармакоша-вьякхья», уникальном письменном памятнике буддийской школы *саутрантика*, невозможно считать свидетельством реального состояния российской буддологии. Лакуны такого рода, скорее, обусловлены упущениями в составлении словника энциклопедии.

Некоторые вопросы концептуального характера возникают при ознакомлении с первой вводной статьей — «Буддизм и философия». Очень интересная в целом, она включает такие необходимые рубрики, как «Возникновение и распространение буддизма», «Периодизация истории буддизма», «Буддийская

литература», «Статус философии в буддизме», «Учение Будды». Однако очерк буддийской литературы написан без должного учета исторических этапов ее кодификации. Невозможно согласиться с автором статьи в том, что «приверженность буддийской вере вообще не ассоциируется с культом текста» (с. 28). Развивая такую неожиданную для буддологического источниковедения мысль, В.Г. Лысенко пишет: «Даже неграмотный христианин знает о существовании Библии. Неграмотный же буддист может довольствоваться наставлениями местного монаха» (там же). Эта категоричная риторика призвана иллюстрировать тезис: «Каждая буддийская школа располагает собственным набором авторитетных текстов, который может частично совпадать или не иметь ничего общего с авторитетными текстами („канонами“ их можно назвать только условно) других школ» (там же).

Хочется спросить — какую научную цель преследует подобное упрощение истории буддизма как мировой религии, базирующейся на единой религиозной аксиоматике и огромном массиве текстов? Действительно, авторитетные, или «корневые», тексты имелись в традиции каждой буддийской школы. Но это не отменяет прослеживающихся в истории буддизма этапов кодификации общих смыслообразующих текстов и появления собраний канонизированных произведений сначала в Индии, а позднее в Китае и Тибете. Как показывают палеографические исследования, кодификация текстов на санскрите, языке пали и пракрите гандхари началась на Южноазиатском субконтиненте почти синхронно в традициях различных школ. Типитака, собрание канонических текстов школы *мхеравада* на языке пали, известная в оригинале полностью, в значительной степени корреспондирует с санскритской Трипитакой, тексты которой, созданные в традициях школ *муласарвастивада* и *сарвастивада*, дошли до настоящего времени в переводах на китайский и тибетский языки и в оригинальных фрагментах, содержащихся в рукописях из Центральной Азии, северо-запада Индии и в уникальном манускрипте из Мервского оазиса (совр. Туркменистан, г. Байрам-Али).

Тексты Трипитаки наряду с трактатами постканонической Абхидхармы и махаянскими сутрами в переводах вошли в состав собраний буддийских произведений, канонизированных в Китае и Тибете, и это хорошо известно в науке. Имеется в их составе и не-

большое число переводов палийских произведений из Типитаки. Спрашивается — зачем было китайским и тибетским ученым-буддистам формировать и неоднократно коллегиально редактировать объемистые своды канонической литературы, если каждая школа в истории буддизма довольствовалась только собственным набором авторитетных текстов?

Никакая крупная религиозно-идеологическая традиция не функционирует, опираясь лишь на необразованных простецов и «местных монахов». Что же касается «приверженности буддийской вере», как, впрочем, и любой религиозной вере, то в размышлениях о культе текста необходимо не упускать из вида фундаментальный вопрос соотношения знания и веры. Эта проблема имеет глубокие корни в истории теологической мысли. И если уж поднимать ее в контексте рассуждений об отношении к тексту в буддийской культуре, то придется апеллировать не к абстрактным «неграмотным буддистам», а к пласту адресованной мирянам дидактической литературы Индии, Китая и Тибета, в которой присутствует множество сюжетов о следствиях десакрализации текста — греховного бытового использования материала, на котором он записан, и прочих кощунственных действиях. Культ текста в среде простецов, способных даже правильно запомнить его название, до сих пор фиксируется антропологами, изучающими живую буддийскую традицию. Но это отдельная тема.

Аналитическое сравнение текстов Типитаки с оригинальными фрагментами и переводами Трипитаки образует в настоящее время мощную ветвь буддологических исследований, в том числе российских. Игнорировать их результаты ради рассуждений об отсутствии в буддизме типологического аналога Библии — контрпродуктивный путь, ведущий к тривиальным поверхностным интерпретациям истории буддизма в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

В связи с вопросом об этапе кодификации буддийской литературы нельзя не сказать и о том недоумении, которое вызывает статья «Трипитака» (с. 699), все содержание которой исчерпывается словами: «см. Типитака (Трипитака)». Следуя по ссылке, мы не обнаружили в статье «Типитака» (автор — В.К. Шохин) никаких иных сведений о «Трипитаке», кроме невразумительного утверждения: «Отдельные компоненты Т. на различных инд. языках, в т.ч. на санскрите и гибридном сан-

скрите, а также ср.-инд. языках, сохранились в преданиях мн. школ раннего буддизма» (с. 680). Как это следует понимать читателю? Какие такие «предания» имеются в виду?

Не приходится удивляться, что тот же автор в упомянутой выше словарной статье «Абхидхармакоша» аттестует данный письменный памятник как «своеобразную полемич. антологию, в к-рой суммируются позиции разных школ...» (с. 66), хотя на деле трактат Васубандху содержит полное логико-дискурсивное разъяснение понятийно-терминологического аппарата и концептуального инвентаря, содержащихся в философских произведениях санскритской Трипитаки.

Есть в этой статье и досадная двусмысленность. В частности, говорится, что «Абхидхармакоша дошла до нас на языке оригинала» (с. 67), хотя санскритский оригинал трактата обнаружился только в 1935 г. Если бы он был известен науке до того времени, какой бы смысл имела инициированная Ф.И. Щербатским разработка международного научного проекта по изданию и переводу двух китайских и тибетской версий этого произведения в совокупности с упомянутым выше санскритским комментарием Яшомитры? Разве стали бы лучшие ученые-буддологи первой трети XX в. — Л. де ла Валле Пуссен, С. Леви, У. Огихара, О.О. Розенберг, да и сам Ф.И. Щербатский заниматься всей этой трудоемкой работой, имея в наличии санскритский оригинал? Именно его они изучили бы, издали и перевели на европейские языки.

Ничего не говорится в статье ни об этом международном проекте, ни о научных причинах, побудивших великих предшественников к изучению «Абхидхармакоши», ни о первом издании ее санскритского оригинала, осуществленном в 1967 г. П. Прадханом. По непонятной причине воздержался В.К. Шохин и от сообщения читателю того факта, что именно «Абхидхармакоша» положена в основу монографии О.О. Розенберга «Проблемы буддийской философии», с которой и началось развитие историко-философских исследований в буддологии. Можно было бы написать добротную и не столь длинную словарную статью, раскрывающую суть предмета, но не получилось.

Явно неудачной выглядит и небольшая статья «Буддология» (автор — В.П. Андронов), преимущественно посвященная отечественной буддологической школе. С первых ее строк автор вводит читателя в заблуждение,

утверждая, что буддология «в рос. востоковедении с 1930–1950-х — вся область научных исследований о различных сторонах и аспектах буддизма» (с. 181). Не вступая в спор о степени содержательности данного определения, необходимо отметить вопиющую несуразность указанных хронологических рамок. Термин «буддология» использовался в российском классическом востоковедении задолго до 1930-х годов, и это общеизвестно. В период с 1930-х до 1950-х годов буддологические исследования были вытеснены на дальнюю периферию отечественной ориенталистики, и термин «буддология» начиная с 1937 г. использовался крайне редко.

В описании процесса пополнения отечественных буддийских коллекций в досоветский период расставлены ничем не оправданные оценочные акценты. В частности, говорится, что памятники буддийской культуры поступали в российские коллекционные фонды благодаря «подвижничеству рос. дипломатов и путешественников, особенно из бурят» (там же). Разумеется, российские путешественники бурятского происхождения, например Б.Б. Барадийн, внесли немалый вклад в обогащение отечественных буддийских коллекций. Но общеизвестно, что отнюдь не меньшие результаты дали научные экспедиции М.М. Березовского, Д.А. Клеменца, П.К. Козлова, С.Ф. Ольденбурга. Ради чего же походя искажать историческую ретроспективу российской научно-экспедиционной деятельности досоветского периода?

В качестве центра коллекционирования буддийских манускриптов в статье упоминается Императорская Публичная библиотека, но ни слова не говорится об Азиатском музее РАН, хотя именно это учреждение являлось основным древлехранилищем восточных, в том числе буддийских, рукописей и старопечатных изданий. Не хочется гадать, чем, кроме неосведомленности автора статьи, может объясняться такое неоправданное замалчивание роли Азиатского музея в становлении российской буддологии.

Название основанной по инициативе С.Ф. Ольденбурга научно-издательской серии РАН “*Bibliotheca Buddhica*” фигурирует в статье в кириллической транскрипции — «Библиотека Буддика», причем дается в качестве основного. Аутентичное латинское наименование по непонятной причине приведено в скобках, да еще и с орфографической ошибкой в слове «*bibliotheca*» (там же). С точки

зрения научной культуры это неприемлемо.

Неадекватно характеризуются и персоналии отечественной науки. Говоря о смене поколений в российской буддологии, автор статьи преподносит читателю такое оценочное суждение: «Лучшими из специалистов следующего поколения следует признать С.Ф. Ольденбурга... и Ф.И. Щербатского» (там же). Подобная оценка со стороны автора статьи совершенно не требуется, тем более что и С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатский получили прижизненное международное признание. Оба они были действительными членами РАН и вошли в историю отечественного востоковедения как основоположники санкт-петербургской (ленинградской) буддологической школы.

Столь же некорректно охарактеризованы ученики Ф.И. Щербатского. О.О. Розенберг (1888–1919), прославленный автор «Проблемы буддийской философии», именуется в статье «буддологом-японистом» без каких-либо иных пояснений (с. 182). А.И. Востриков (1904–1937), автор фундаментального труда «Тибетская историческая литература», определяется как «знаток буддийской логики, тибетской канонической и постканонической литературы» (там же). Е.Е. Обермиллер (1901–1935) — как санскритолог и тибетолог, «специализировавшийся по сутрам и трактатам ранней махаяны» (там же), хотя область его исследований была иной и для изучения буддийской философии он сделал немало. Б.В. Семичов (1900–1981) предстает в статье «бывшим узником ГУЛАГа», который «преподавал тибетологию в Улан-Удэ» (там же). А то, что Б.В. Семичов перевел с тибетского языка четыре раздела «Абхидхармакоши», разве неважно? Ни М.И. Тубянский (1893–1937), ни М.С. Троицкий (1901–?) не упоминаются вовсе.

О судьбах этих немногочисленных персоналий говорится в недопустимом «статистическом» стиле: «Однако при советской власти в 1930-е большинство учеников Ф.И. Щербатского подверглись репрессиям (многие из них были убиты или умерли в лагерях), и т.о. рус. буддологич. школа была фактически разгромлена» (там же).

Действительно, жизненные пути учеников Ф.И. Щербатского отмечены трагизмом. О.О. Розенберг умер в голодном 1919 г. от болезни сердца на пути в эмиграцию. Е.Е. Обермиллера свел в могилу в 1934 г. тяжкий наследственный недуг. А.И. Востриков и М.И. Тубянский были казнены по неправо-

судным приговорам в 1937 г. и реабилитированы посмертно. Не дожидаясь реабилитации, состоявшейся только в 1989 г., и Б.В. Семицовой. Судьба М.С. Троицкого, арестованного в 1937 г., остается до сих пор не выясненной. Разумеется, ввиду небольшого объема словарной статьи «Буддология» невозможно дать эти конкретные сведения о персоналиях. Но лучше вовсе не писать об учениках Ф.И. Щербатского, чем делать это в оскорбительных терминах «большинство» и «многие».

О Ю.Н. Рерихе в статье говорится как о «вернувшемся из эмиграции» (там же). Это недопустимая ошибка. Ни один из членов семьи Рерихов, проживавшей за рубежом, не позиционировал себя в качестве эмигранта, т.е. принципиально не обзаводился так назы-

ваемым нансеновским паспортом, и данный факт широко известен.

Можно было бы и далее перечислять несообразности этой злополучной статьи, но не хочется. Никакие частные огрехи и упущения не уменьшают ценности того замечательного научного вклада, которым является создание энциклопедии «Философия буддизма». Этот беспрецедентный труд несомненно послужит путеводным ориентиром для молодого поколения российских исследователей, связавших свою профессиональную деятельность с изучением буддийского философского наследия.

*М.И. Воробьева-Десятовская,
Е.П. Островская*